

однако, видит в Крыму не дальнейшее развитие, а один из истоков этой культуры. Изображая горы и южное побережье Крыма накануне присоединения его к России как пустой безлюдный край (стр. 150), автор забывает, что именно в это время и именно отсюда русское самодержавие для подрыва экономики Крымского ханства переселило в Приазовье огромную массу христианского населения.

В главе V при освещении истории итальянских колоний автор недостаточно, по нашему мнению, использует выводы советских историков, специально занимавшихся этим вопросом, — Е. Ч. Скржинской, М. К. Старокадомской, И. А. Гольдшмит, А. М. Чипериса — и почему-то игнорирует исследования и публикации некоторых зарубежных ученых — М. Маловиста, Г. Братяну, Р. Лопеца и др.

Наиболее сильной стороной книги А. Л. Якобсона является освещение археологического материала, хотя местами, как нам представляется, автор обходит данные, не укладывающиеся в его концепцию. Так, упоминая о весьма существенных разногласиях в датировке некоторых из основных памятников Херсона (базилик, мозаичных полов, фресок), он отсылает читателя к своей более ранней работе — «Раннесредневековый Херсонес». Но в этой работе на указанных автором страницах вместо аргументированной критики взглядов его научных противников мы находим лишь недостаточно обоснованные фактами отрицание их мнений. В другом случае он ссылается на статью Е. Н. Жеребцова «К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса»⁷. Однако в этой статье нет ни разрезов, ни стратиграфических данных, без чего в археологии, как известно, нельзя датировать памятник.

В других случаях, особенно когда автор описывает результаты своих собственных археологических исследований в Херсонесе и Байдарской долине, он глубоко аргументирует выводы и приводит массу свежего и первоклассного материала. Городская планировка и архитектура, ремесло и искусство Херсона, его торговые и культурные связи с Закавказьем и Средней Азией выпукло показаны на многочисленных и разнообразных памятниках, удачно подобранных и умело сгруппированных. Автор дает краткое, но полное, свободное от тяжеловесных перечислений изложение своих прежних трудов по средневековому Херсону. Местами его описания поднимаются до уровня литературно-художественного очерка.

В краткой рецензии на книгу А. Л. Якобсона невозможно подробнее рассмотреть все ее достоинства и недостатки. Большую часть последних можно было бы отнести в адрес не только автора, но и научного редактора книги и издательства. Но по совершенно непонятным причинам в «Очерках истории и истории материальной культуры средневекового Крыма» имя специалиста-историка, редактировавшего эту книгу, не указано.

Тем не менее, при всех указанных выше недостатках, рецензируемая книга ценна обилием впервые суммированных археологических данных, обширным библиографическим аппаратом, хорошими и многочисленными иллюстрациями. При достаточно критическом отношении к исторической части этого труда и порою спорным выводам автора, книга принесет пользу всем, занимающимся изучением истории средневекового Крыма.

С. А. Секиринский, К. К. Когонашвили

Г. ЦАНКОВА-ПЕТКОВА. ЗА АГРАРНИТЕ ОТНОШЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВНА БЪЛГАРИЯ XI—XIII В.

София, 1964, 210 стр.

Книга болгарской исследовательницы Г. Цанковой-Петковой посвящена одной из важнейших проблем болгарской истории. Достаточно широки и хронологические рамки монографии — она охватывает почти четверть социально-экономической истории болгарского средневековья. Этой теме в послевоенный период уделялось значительное внимание как в болгарской историографии, так и в исторической науке других стран. Однако разработка поставленных в книге проблем еще далека от своего завершения, и автор с полным основанием говорит о необходимости вести «дальнейшие исследования в этом направлении» (стр. 6).

Книга Г. Цанковой-Петковой состоит из введения, двух глав и заключения. Во введении автор дает суммарную характеристику историографии вопроса, кратко излагает экономическую и политическую историю Болгарии с начала XI до середины XIII в. и перечисляет основные типы своих источников. Здесь же исследовательница говорит о задачах своей работы. Признавая, что феодализм в Болгарии окончательно сложился в XI—XII вв. под непосредственным влиянием более развитой византийской экономики, Г. Цанкова-Петкова пишет, что «этот сложный вопрос не был до сих пор предметом специального исследования. Его изучение является

⁷ ВВ, XXIII, 1963, стр. 205—213.

трудной задачей, заключающейся в том, чтобы, с одной стороны, выявить и разграничить внутреннее, закономерное развитие от внешнего (византийского) влияния, с другой стороны — установить, на какую болгарскую основу насаивались византийские правовые нормы и формы» (стр. 5). Создание «синтезирующего исследования», посвященного изучению этой основной проблемы на конкретном документальном материале, Г. Цанкова-Петкова ставит своей задачей (стр. 6).

Таким образом, введение к книге в целом дает читателю представление о предмете исследования. Однако постановка вопроса нам представляется несколько слишком общей. На наш взгляд, следовало бы конкретнее определить задачи исследования, отметить удовлетворительно решенные проблемы, сказать об ошибочных или спорных положениях, выделить выдвигаемые автором новые, не исследованные вопросы и, наконец, не предвосхищать во введении своих последующих выводов.

Первая глава носит название «Крупное землевладение и феодальная собственность» и распадается на пять параграфов. Весьма важен и интересен первый из них, посвященный орудиям труда и сельскохозяйственной технике. Исследовательница привлекает не только письменные, но и археологические и этнографические материалы и сообщает много ценных данных. Касаясь существующего в историографии спора относительно использования в средневековой Болгарии подсечно-огневой системы обработки земли, автор заняла среднюю и в данном случае, по нашему мнению, верную позицию. Г. Цанкова-Петкова не считает эту систему широко распространенной, но убедительно доказывает, что она сохранялась как пережиток в некоторых горных и лесных районах Болгарии даже в поздние средневековья.

Второй параграф первой главы озаглавлен «Виды поселения и структура феодальной собственности» — название, не вполне отвечающее содержанию раздела. Изложение здесь довольно суммарно и кратко. В основном автор говорит о возникшем с развитием феодализма новом типе поселения — об агрдии (проастии, зевгилатии и т. п.). С одной стороны, Г. Цанкова-Петкова считает этот тип поселения специфически феодальным (как часть вотчины), с другой стороны, она полагает, что по своему виду и форме такие поселения все более приближались к селам — сельским общинам и не отличались от них.

Поставлена, таким образом, весьма важная проблема о различиях и сходстве между зависимыми и свободными поселениями и о составе феодальной вотчины. Однако автор оставила в стороне вопросы о структуре феодальной вотчины (не говоря уже о структуре феодальной собственности, о которой сказано в заголовке), о том, какой тип феодального поселения был основным типом, характерны ли для проастиев (агридиев) общинные отношения и т. д.

Важным разделом первой главы является третий параграф — о светском феодальном землевладении. Автор тщательно излагает, к сожалению, немногочисленные известия источников о крупном светском землевладении в Болгарии. Исследовательница указывает на его рост и укрепление, на тенденцию к превращению феодальной вотчины в конце XII — начале XIII в. и в Болгарии и в Византии в почти независимое от центральной власти феодальное княжество.

Вызывает сомнение однако тот путь доказательств, которым автор идет к указанным выводам. Она ставит в центре своего изложения развитие пронии, но не приводит ни одного бесспорного свидетельства источников о пронии. Оставлены без внимания и жаркие споры в современной историографии по этому вопросу. Как о бесспорных фактах Г. Цанкова-Петкова говорит о прониях Льва Кефалы, Григория и Абаси Бакуриани, хотя в источниках речь идет, напротив, об императорских пожалованиях не в условную, а в полную собственность. Автор полагает, что эти источники говорят о превращении пронии уже в конце XI в. в наследственную полную собственность, но для этого нужно было доказать, что пожалованные упомянутым лицам владения были первоначально прониями.

Четвертый параграф главы посвящен церковному и монастырскому землевладению и носит в значительной мере описательный характер. В конце этого раздела находятся два вывода, относящиеся не только к четвертому, но и к третьему параграфу.

В своем первом выводе Г. Цанкова-Петкова отмечает сложный состав феодального поместья, состоявшего из земель, права собственности землевладельца на которые были различны. Условная собственность имела тенденцию уже с конца XI в. к превращению в наследственное имущество. Владения светских и духовных феодалов были разбросаны в разных районах. С ростом феодального землевладения все больший удельный вес в поместье приобретали небольшие «внесельские и внегородские поселения» (агридии, проастии и т. д.).

Согласно второму выводу автора, развитие светского землевладения шло по линии либо превращения в монастырское, либо по пути политического сепаратизма (стр. 68). Г. Цанкова-Петкова говорит о переходе светских владений в монастырские и с полным основанием замечает, что помимо идеологических были чисто экономические причины этого явления: монастырское землевладение было устойчивее светского, оно пользовалось гораздо большими правами и привилегиями со стороны центральной власти — светский же ктитор зачастую сохранял право на значительную часть монастырских доходов.

Оба вывода нам представляются вполне правомерными. Они подкрепляются собственными изысканиями исследовательницы, но и не противоречат выводам ее предшественников. Мы хотели бы только усомниться в плодотворности выдвинутой автором дилеммы относительно светского землевладения: либо превращение в монастырскую вотчину, либо переход в независимое феодальное княжество.

Заключительный и один из самых маленьких параграфов первой главы посвящен крестьянству. Автор признает, что свободное крестьянство сохранялось в Болгарии в течение всего средневековья. Право собственности свободного крестьянина на свою землю и хозяйство находило ограничение лишь в верховной собственности государя, который путем дарения свободных частному лицу или духовенству мог превратить их в феодально-зависимых. Г. Цанкова-Петкова присоединяется к мнению, что налоги, повинности и отработки свободных в пользу государства носили в условиях феодализма характер феодальной ренты.

Феодально-зависимые крестьяне (парики) делились в основном на две группы: на крестьян, которые, став зависимыми, не потеряли права собственности, «хотя и неполной», на свой надел и хозяйство, и на безземельных и лишенных средств производства крестьян, которые, в свою очередь, делились на несколько подгрупп.

В этом параграфе нет анализа источников. По всей вероятности, исследовательница не хотела повторяться, так как годом ранее ею была опубликована специальная работа, посвященная этой проблеме¹. Но это не является достаточным основанием к тому, чтобы лишать «синтезирующую работу» одного из главных ее разделов. Нельзя не высказать неудовлетворенности тем, что автор, приняв мнение об идентичности государственных налогов с феодальной рентой (стр. 71—72), не высказал своего отношения к тем возражениям против этой точки зрения, которые были сделаны М. Я. Сюзюмовым². Без доказательств, к сожалению, оставляет автор и такой важный вывод, как укрепление болгарских крестьян к земле в XI в. Факт наследования детьми и внуками земельных участков в имении феодала у своих родителей и дедов, вопреки мнению Г. Цанковой-Петковой (стр. 73), не является таким доказательством. Автор приводит слова Кекавмена, что нельзя силой удерживать свободного, хотя он и был облагодетельствован феодалом, так как такое удержание было бы несправедливостью.

Это свидетельство, действительно, можно толковать как доказательство определенной тенденции феодалов к закреплению зависимых людей, но его недостаточно для столь ответственного вывода. К тому же слишком смелым представляется и перевод Г. Цанковой-Петковой этого места сочинения Кекавмена (стр. 73, прим. 214): слово *εὐεργετηθέντες* едва ли можно перевести «слабженные землей» («оземлени») — речь идет скорее о награде верного человека движимым имуществом.

Таково содержание и таковы выводы первой главы. Гораздо больший интерес, на наш взгляд, представляет вторая глава «Средства и формы феодальной эксплуатации». Эта глава также распадается на параграфы. В ней их шесть. Первый из них посвящен экскуссии и иммунитету, точнее говоря — историографии вопроса о общей постановке проблемы. Г. Цанкова-Петкова присоединяется к мнению тех историков, которые считают экскуссию в Византию XI—XIII вв. начальной стадией иммунитета, или финансовым иммунитетом. Нам это мнение представляется достаточно обоснованным. Тем не менее мы хотели бы сделать два замечания. Во-первых, мы не согласны с тем, что спор о сущности византийской экскуссии имеет «до известной степени терминологический характер» (стр. 81). Во-вторых, на наш взгляд, невозможно в одно и то же время и солидаризироваться с точкой зрения А. П. Каждана, который хотя и признает, что экскуссия содействовала «росту вотчинной системы эксплуатации»³, но не связывает ее с развитием иммунитета⁴, и называть экскуссию «одной из составных частей иммунитета, его начальной стадией» (стр. 90). Одним из своих главных аргументов А. П. Каждан считает противопоставление в источниках терминов «экскуссия» и «ателия» (первый означает будто бы только освобождение от чрезвычайных и нерегулярных сборов и повинностей, а второй — освобождение от регулярных налогов). Нам кажется невозможным принимать и этот вывод (стр. 80—81), а затем (на наш взгляд совершенно справедливо) доказывать, что экскуссия может означать и полное освобождение от налогов (стр. 94—100, 103—104). Автор недостаточно четко определила свою позицию по отношению к спорам о сущности византийской (и болгарской) экскуссии.

Во втором параграфе второй главы рассматривается вопрос о финансово-административной экскуссии в Болгарии. Изложение начинается с анализа грамот Василия II Охридской архиепископии, в которых содержится первое упоминание об экскуссии в Болгарии. Поставив перед собой задачу определить объем этой экскуссии, Г. Цан-

¹ Г. Цанкова-Петкова. Социальный состав населения болгарских земель в период византийского господства. — ВВ, XXIII, 1963.

² См. М. Я. Сюзюмов. Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960. — ВВ, XXII, 1963, стр. 301—302.

³ А. П. Каждан. Экскуссия и экскуссаты в Византии X—XII вв. — «Византийские очерки». М., 1961, стр. 213.

⁴ Там же, стр. 212.

кова-Петкова рассматривает вопрос о сущности икономодия (от уплаты «икомодия и остальных эприй» освободил архиепископию Василия II) и приходит к выводу, что в этих грамотах он равнозначен основной поземельной подати, существовавшей в Болгарии еще при Самуиле (по сообщению Недрина, она уплачивалась натурой). С последней четверти XI в. икомодий олицетворял быковенного налог на домашний очаг (виз. капникон, слав. комод и дымнина). В понятие «икомодий» в разное время вкладывалось разное содержание. Поскольку же икомодий, по мнению автора, был основной податью, а «остальные эприи» охватывали все прочие, регулярные и нерегулярные, подати и повинности, Г. Цанкова-Петкова считает, что «Василий дал полную экскуссию болгарским епископам» (стр. 97), отчислив определенное число крестьян и клириков и полностью передав их в феодальное хозяйство епископов с тем, чтобы эти зависимые люди выполняли в пользу феодала те повинности, которые они несли ранее по отношению к государству (стр. 95).

Далее автор исследует терминологию экскуссионных грамот и делает заключение, что наряду с частичной экскуссией с ходом времени все более развивается полная финансовая экскуссия (ἐξκουσσία κατὰρᾶ, ἐξκουσσία παντληῆς или καθολική ἐξκουσσία), означающая освобождение не только от нерегулярных, но и от регулярных налогов и повинностей. Напротив, термин ἀτελεία означает освобождение только от регулярных налогов. В болгарских грамотах дарование полной экскуссии выражалось словами «свобода чиста».

Мы согласны с автором рецензируемой монографии, что значение термина ἐξκουσσία отнюдь не всегда связывалось лишь с освобождением от эприй (ἐπύρεια) как чрезвычайных повинностей, а также с тем, что слово ἐπύρεια, в свою очередь, могло иметь значение налога вообще. Убедительным нам представляется и вывод, что полная экскуссия подразумевала освобождение от обязательств не только к финансовому ведомству, но также и к ведомствам военному и государственной почты. Однако не все в этом параграфе нам представляется несомненным. Мы не считаем доказанным, что икомодий был во время Василия II основным поземельным налогом и что экскуссия, предоставленная императором Охридской архиепископии, была полной. Прежде всего, нельзя говорить о том, что эту экскуссию Василий II дал архиепископии. Император подчеркивает в грамотах, что он в налоговом отношении сохранил тот статус болгарской церкви, который она имела еще до завоевания Болгарии, при Самуиле («как были освобождены и при Самуиле»). Следовательно возникновение финансового иммунитета в Болгарии относится к периоду ее независимого существования.

Далее, автор не коснулся вопроса об ἀριφύβς париков и клириков Болгарской архиепископии, постановка которого приводит к сомнению в правильности вывода о полной экскуссии. В грамотах Василия II идет речь, конечно, не о всех (а может быть даже о меньшинстве) зависимых крестьян архиепископии. Невозможно допустить, чтобы в ходе всего предшествующего развития 32 названных в грамотах епископских вотчин оказалось, что по числу зависимых крестьян они распадались лишь на четыре группы, имеющие по 40, 30, 15 и 12 париков. Слишком подозрительное единообразие. Мало того, следуя Г. Цанковой-Петковой, нужно считать, что все принадлежавшие архиепископии крестьяне были горожанами (см. стр. 67: «охридский архиепископ и епископы ряда других болгарских епархий владели определенным числом зависимых хозяйств в соответствующих городах своей епархии», т. е. что болгарские иерархи накануне завоевания и в первое время после завоевания не имели поместий в сельской местности, зависимых сел и деревень. Такое заключение неизбежно, если считать экскуссию грамот Василия II полной, если думать, что помимо упомянутого в грамотах числа париков епископы не имели зависимых людей. Как же в таком случае распенить сообщение Козьмы Пресвитера от X в. о «стяжании нив и сел» болгарским духовенством?

Мы думаем, что удовлетворительное понимание грамот Василия II невозможно, если не признать, что византийский термин ἀριφύβς (во всяком случае в это время) означал не всех зависимых людей феодала, а лишь число зависимых, освобожденных в пользу феодала от государственных налогов. Сама Г. Цанкова-Петкова признает дробность византийской экскуссии и приводит примеры об освобождении от налогов одних владений феодала и о взыскании налогов с других (стр. 99—100).

Мы считаем, что экскуссия париков Охридской архиепископии была неполной, потому что: 1. Она не охватывала всех зависимых крестьян; 2. Она, по-видимому, не освобождала от всех налогов и повинностей в пользу государства даже тех париков, число которых определено в грамотах Василия II.

Третий параграф, озаглавленный «Судебная экскуссия», вызывает особый интерес, так как ранее было сказано, что в источниках XI—XII вв. «нет речи» о передаче судебных прав феодалам, что об этом говорится «лишь в официальных документах XIV в.» (стр. 81). Исследовательница начинает рассмотрение с документа XIII в. — «Виргинской грамоты» и приходит к заключению, что в ней говорится лишь о праве нижней юрисдикции. Такой же вывод делается и о Мрачской (1347 г.) и о Рилской (1378 г.) грамотах. Г. Цанкова-Петкова считает, что пользующийся экскуссией феодал, освободив свои земли и крестьян от вмешательства чиновников государственного аппарата, «негласно захватывал их функции, а вследствие этого — и право внеэкономического принуждения на крестьянина» (стр. 118). Но независимо от того, узурпиро-

ванными или официально признанными были эти права, они касались в Болгарии лишь прав низшей юрисдикции не только в XI—XII, но и в XIII—XIV вв. «Наличие центральной власти» в Болгарии и отсутствие данных о «целостном и дифференцированном аппарате, подобном государственному, в феодальных владениях» также, по мнению Г. Цанковой-Петковой, не позволяет говорить о полном иммунитете даже для XIV в. (стр. 118—119).

Прежде всего, на наш взгляд, следовало бы отказаться от традиционного сведения проблемы внеэкономического принуждения (а именно ее имеет в виду заголовок главы — «Средства и формы феодальной эксплуатации») к вопросу об иммунитете как юридическом институте. Это особенно важно для историков Византии (а также Болгарии под византийским господством) в силу исторически сложившегося в империи гораздо более резкого, чем на Западе, несоответствия юридических официальных норм и реальных социально-экономических отношений. Действительные права феодальных собственников находили далеко не адекватное отражение в иммунитетных привилегиях. Не выходя за рамки проблемы иммунитета, мы не сможем объяснить факт существования уже в конце XII—XIII вв. на Балканах совершенно независимых феодальных княжеств (Льва Сгура, Хриза, Стреза и др.).

Мы не отрицаем, что чисто юридически развитие судебного иммунитета в Византии и Болгарии отставало сравнительно с Западом и в целом не достигло полного завершения. Но мы сомневаемся в том, что и в XIV в. дело всегда ограничивалось официальным признанием лишь права низшей юрисдикции, что и в Византии и в Болгарии даже в XIV в. не было иммунитета в подлинном значении этого слова. Г. Цанкова-Петкова проявляет в этом вопросе, по нашему мнению, излишний ригоризм.

Полный иммунитет отнюдь не исключает подданства и наличия центральной власти, хотя и эфемерной, но юридически признанной (если уж делать упор на юридическую сторону дела). Вотчина иммунитета отнюдь не обязательно выпадала из государственного организма. То же следует сказать и о частном аппарате принуждения феодала — структура аппарата и его численность зависели от конкретных обстоятельств, прежде всего — от размеров вотчины. Сходство аппарата вотчины с государственным вряд ли было важным. Иммунитеты и на Западе, обладая равной суммой всяких прав, резко различались по своему могуществу и по отношениям с центральной властью.

Безусловно, вопрос об иммунитете в Византии и Болгарии все еще остается спорным, но нам представляется убедительным мнение Г. А. Острогорского, что для установления факта передачи феодалу государством судебных прав совсем не обязательно искать прямых и ясных указаний на этот счет в жалованных грамотах. «В Византии права на судебные сборы не отделялись от прав судопроизводства», — говорит югославский византист⁵. Следовательно, передача феодалу права сбора судебных пошлин автоматически предполагала приобретение им каких-то судебных прав. Данные грамот конца XI—XII вв. о передаче монастырям права на сбор аерикона Г. Цанкова-Петкова приводит сама. Нам кажется, что даже по отношению к этому времени можно говорить не только об узурпации и негласном присвоении судебных прав феодалом, но и о их частичном официальном оформлении.

Что касается XIII—XIV вв., то здесь следовало бы либо сказать о существенных особенностях аграрного развития Болгарии сравнительно с Византией, либо опровергнуть выводы Г. Острогорского, который, опираясь на факты, подобные тем, которые рассматривает Г. Цанкова-Петкова, считает возможным говорить о наличии у отдельных феодалов прав высшей юрисдикции. Мы имеем в виду Виргинскую грамоту, которая передавала монастырю право сбора судебных пошлин за убийство, девичий разбой (деворастление) и конскую кражу — преступления, за которые судил суд, обладавший правами высшей юрисдикции⁶.

В 1327 г. Андроник II по просьбе болгарского царя Михаила Шишмана выдал Зографскому монастырю хрисовул, в котором Г. Острогорский усматривает передачу прав высшей юрисдикции⁷. На наш взгляд, следовало бы сказать, что либо Шишман просил о передаче еще не известных в Болгарии привилегий, либо югославский ученый ошибается в оценке документа от 1327 г.

Четвертый параграф главы посвящен вопросу о повинностях крестьян по отношению к феодалу. Основное внимание сконцентрировано здесь на налогах и повинностях в пользу государства, поскольку феодал, получив право их сбора в свою пользу, сохранял неизменными форму и размеры основных податей и повинностей (стр. 134). Поэтому и высота бывшего государственного налогового обложения была критерием уровня феодальной частновладельческой ренты. Критерий этот определялся вначале имущественным положением крестьянина. Впрочем, феодал имел возможность нарушать этот принцип и повышать ренту, как делало это нередко и государство в отношении налогов.

⁵ Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. — ВВ, XIII, 1958, стр. 105.

⁶ Там же, стр. 103.

⁷ Там же, стр. 83, 104.

По мнению болгарской исследовательницы, не было существенных отличий в видах крестьянских повинностей в Болгарии в XI—XII и в XIII—XIV вв. (отработочных, натуральных и денежных) (стр. 124). Она устанавливает некоторые интересные параллели между византийскими (XI—XII вв.) и болгарскими (XIII—XIV вв.) податями и повинностями. В этот же раздел о крестьянских повинностях автор включает и рассмотрение материала об аппарате управления и принуждения феодала, поскольку указанные функции выполняли зависимые от землевладельца люди. Завершается параграф изложением данных об уплате населением каноникона.

Затронутые в четвертом параграфе вопросы чрезвычайно сложны и трудны. Мы еще далеки от их окончательного решения. Наблюдения Г. Цанковой-Петковой будут, несомненно, способствовать решению этой задачи. Наше основное замечание сводится к тому, что автор уклонилась от постановки проблемы движения феодальной ренты в XI—XIII вв. Если она считает материал недостаточным для этого, так об этом и следовало бы сказать. Вопрос о вестигаритах и проноитах теснее связан, на наш взгляд, не с повинностями крестьян, а с проблемой внеэкономического принуждения. Каноникон, наконец, вряд ли правильно рассматривать как частновладельческую ренту.

Пятый параграф второй главы трактует вопросы о налогах, уплачивавшихся феодалами и их париками государству. Автор показывает, что при неполной экскурсии сплошь и рядом феодал сам собирал со своих крестьян и вносил в казну государственные налоги. Переходя к их конкретному рассмотрению, Г. Цанкова-Петкова делает ряд интересных и оригинальных наблюдений. Она повторяет свой вывод об идентичности икомодия с комодом, считает его одним из главных налогов, а в грамотах Василия II — даже главным налогом, идентичным болгарской подати с дома и пахотного участка, которая взималась в Болгарии до ее завоевания. Икомодий часто упоминается рядом с другой основной податью — зевгологием, взимавшейся с обрабатываемой земли и тяглогового скота. Этот налог соответствовал более позднему зевгараткию, а также ситаркии, или синоне, и был тождествен болгарским волоберщине и житартву и сербскому основному налогу по названию «соч».

С утверждением в Болгарии византийской налоговой системы икомодий стал соответствовать капникону (дымнине) и вместе с зевгологием составлял две главные подати, которые с середины XI в. уплачивались деньгами. Эта византийская налоговая система в главных чертах сохранялась в Болгарии и в период Второго царства. Исследовательница приходит к выводу, что в средневековой Болгарии в отличие от Византии преобладала полная финансово-административная экскурсия. Это объяснялось тем, что болгарские цари в отличие от императоров Византии не принимали мер к ограничению крупного землевладения и особенно благоволили к церкви, игравшей исключительную роль в образовании Второго Болгарского царства и в первой половине XIII в.

Изложенные выше положения Г. Цанковой-Петковой заслуживают, несомненно, серьезного внимания. Мы не возражаем и против вывода об особенностях болгарской экскурсии сравнительно с византийской. Однако он, по нашему мнению, нуждается в дополнительном обосновании, так как сделан на основе сравнения не одновременных, а разновременных материалов: данные византийских документов XI—XII вв. сравнивались со сведениями болгарских грамот XIII и даже XIV вв. Нескольким логически неправомерной представляется и ссылка на то, что болгарские цари не ограничивали крупного землевладения: в X в., когда императоры Македонской династии начали издавать свои новеллы, Болгария находилась на более низкой стадии развития феодализма и явления, вызвавшие к жизни македонское законодательство, не ощущались там с такой силой, как в империи; в XI и почти до конца XII в. не было самого Болгарского государства и «болгарских царей»; что же касается XIII—XIV вв., то и в самой Византии попытки ограничения крупного землевладения были довольно эпизодичны и касались в основном монастырей. Роль же византийской церкви в восстановлении Византийской империи была также весьма велика. По-видимому, причина различия в объеме болгарской и византийской экскурсии (если это различие действительно существовало) заключалась в чем-то другом.

Последний, шестой параграф главы посвящен вопросу об аренде, которая рассматривается как одна из форм феодальной эксплуатации. Вопреки этому тезису, однако, рассмотрение начинается с данных об арендаторах-феодалах. Затем автор переходит к сербским материалам XIV в. и, наконец, к «Земледельческому закону». При этом Г. Цанкова-Петкова высказывает интересную гипотезу, что мортитство является видом долгосрочной аренды, при которой арендатор разрабатывал невозделанные земли. Автор подкрепляет этот вывод рядом свидетельств XI—XIII вв., согласно которым морта соответствовала долгосрочной аренде. С ходом времени отличия между разными видами аренды стали стираться. Она развивалась в силу недостатка рабочих рук в имениях феодалов и служила рычагом вовлечения крестьян в феодальную зависимость.

По нашему мнению, этот раздел находится явно не на месте. Его материалы слишком скудны. Нам кажется, что вопрос об аренде лучше было связать с разделом о формировании феодальной вотчины либо с разделом о зависимом крестьянстве. Этот параграф разрывает изложение: вслед за ним следует материал, который являет-

ся в сущности выводами к четвертому и пятому параграфам. Здесь автор констатирует наличие в Болгарии в течение всего средневековья всех трех видов рент. Причем в эпоху Первого Болгарского царства и в первые десятилетия византийского господства преобладали, по мнению автора, отработочная и натуральная ренты, а с 1040 г. появилась денежная, которая обнаружила тенденцию к повышению.

После шестого параграфа следует заключение, в котором кратко повторены выводы всей книги. Кроме того, монография имеет два приложения: 1) Копия кадастровой описи села Радоливо от августа 1098 г. — весьма ценный источник, которому автор уделяет много внимания в своей работе. Греческий текст дан по изданию Ф. Дольгера⁸ и снабжен переводом на болгарский язык; 2) Два завещания (Симватия и Кали Бакуриани) конца XI в. в пользу Ивирского монастыря. Греческий текст, к которому автор делает ряд конъектур, взят из малодоступного журнала «Ορθόδοξια»⁹, и также снабжен болгарским переводом.

Книга имеет довольно подробный предметный указатель и резюме на русском и французском языках.

Итак, монография болгарской исследовательницы касается многих важных проблем социально-экономической истории Болгарии за три столетия. Не все из этих проблем нашли одинаково удовлетворительное решение. В частности, работа Г. Цанковой-Петковой не исчерпала поставленной во введении проблемы «разграничения внутреннего закономерного развития» страны от «внешнего византийского влияния». Метод сравнения византийских источников XI—XII вв. с болгарскими и сербскими материалами XIII—XIV вв. помог исследовательнице определить, какие институты болгарского феодального общества эпохи Второго царства соответствовали тем, которые сложились в период византийского господства, а также поставить вопрос о различиях между ними. Но это сопоставление не могло дать ответа на вопрос, «на какую болгарскую основу наслаивались византийские правовые нормы и формы». Для этого нужно сравнить византийские свидетельства XI—XII вв. с болгарскими (славянскими) источниками не XIII—XIV вв., а IX—X столетий.

Не всегда последователен автор в проведении принципа историзма — не все явления рассмотрены в их развитии. Порой автор иллюстрирует свои выводы фактами, взятыми из источников, которые разделены тремя столетиями. Недостатком является и некоторая рыхлость композиции. Нечеткость постановки вопроса отразилась в недостаточном последовательном проведении основных идей работы.

Тем не менее монография Г. Цанковой-Петковой будет, несомненно, способствовать дальнейшему прогрессу в изучении социально-экономической истории средневековой Болгарии. В ряде случаев (особенно во второй главе) автор приходит к новым, оригинальным выводам, которые заслуживают пристального внимания. Есть в монографии немало интересных частных наблюдений и гипотез. Без учета рецензируемой работы, разумеется, невозможно дальнейшее изучение проблем аграрной истории Болгарии XI—XIII вв.

Г. Г. Литаврин

Р. О. ШМЕРЛИНГ. МАЛЫЕ ФОРМЫ В АРХИТЕКТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГРУЗИИ

Тбилиси, 1962, 281 стр., 113 табл. Тир. 1000 экз.

Средневековое искусство все больше привлекает к себе интерес исследователей. Старые взгляды на эту пору как время темноты и невежества, упадка и застоя сменяются интереснейшей картиной непрерывной и сложной творческой деятельности, полной борьбы старого и нового.

Тысячами путей народная мысль того времени пробивалась через «бронзовый щит», которым, по образному выражению В. Гюго, ее придавливал феодализм. Каждое, даже небольшое, произведение средневекового искусства доносят до нас дыхание страстной борьбы реального и отвлеченного, мирского и церковного. Сложные космогонические концепции, отразившие взгляды людей на мир, на мироустройство, дошли до нас не только в богословских трактатах или поэмах, но и в изобразительном искусстве и архитектуре. Недаром средневековые соборы называли «зеркалом мира». Значение средневекового искусства увеличивается и тем, что оно представляет ценнейший источник для изучения начального процесса формирования национальных культур, позволяет проследить борьбу «универсального» и национального, в частности «панвизантийского» и местного.

В изучении средневековой культовой архитектуры восточного, связанного с Византией мира огромное значение имеет вопрос о членении интерьера храма на его

⁸ F. D ö l g e r. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, № 65.

⁹ Ὁρθόδοξια. Βυζαντινὰ διαθήκαι. — «Ὁρθόδοξια», V, т. 60, 1930, σελ. 614—618; VI, т. 66, 1931, σελ. 364—371.